

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 4. С. 59–75.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47+57)1964/1966+322+283_(47+57)

«МНОГИЕ ДАЖЕ НЕ ДОПУСКАЮТ МЫСЛИ, ЧТО СЕКТАНТ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»¹ «БРЕЖНЕВСКИЙ» ПОВОРОТ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ И РОССИЙСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ (1964–1966 ГГ.)

А. И. Савин

РАН, Сибирское отделение, Институт истории, г. Новосибирск, Россия

В статье исследуются государственная политика в отношении религиозных организаций в первые годы правления Л. И. Брежнева, её рамки и границы. Особое внимание уделяется феномену религиозного диссидентского движения в среде российских протестантов во главе с Советом Церквей евангельских христиан-баптистов. На основании докладных записок КГБ СССР, Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, а также Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР за 1964–1966 гг. сделан вывод о формировании новой модели взаимоотношений между советской властью и протестантскими религиозными организациями: протестанты активно и публично отстаивали свои права, остро реагируя на любые ограничения религиозных свобод, но отказ от массовых репрессий в отношении церкви привел к тому, что борьба с религией стала превращаться в бесперспективную бюрократическую рутину.

Ключевые слова *религиозная политика, протестантизм, либерализация, ЦК КПСС, КГБ, брежневская эпоха, религиозные диссиденты.*

История советской государственной политики в религиозной сфере насчитывает как минимум четыре точки бифуркации, которые можно классифицировать как повороты или зигзаги, характеризовавшиеся определенной степенью либерализации взаимоотношений между государством и церковными организациями. Первый из таких поворотов датируется августом 1923 г., когда партия большевиков объявила об отступлении с позиций нетерпимости по отношению к религии и начале периода относительно мирного сосуществования государства и церкви в рамках новой экономической политики. Следующий зигзаг пришелся на март 1930 г., когда после первого штурмового натиска коллективизации ЦК ВКП(б) осудил практику «администрирования» в деле борьбы с религией, что означало фактический отказ от попытки полностью ликвидировать конфессии в колхозной деревне и возвращение к политике

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 146.

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), F. 3, Op. 60, D. 15, L. 146.

их постепенного вытеснения на задворки общественной жизни. В годы Второй мировой войны сталинское руководство осуществило наиболее серьезный политико-идеологический поворот, который привел к возрождению церковных организаций и легализации религиозной жизни после массовых гонений на церковь периода Большого террора.

Четвёртый по счёту либеральный поворот, фактически предопределивший специфический модус сосуществования советского государства и религиозных организаций вплоть до конца существования СССР, был предпринят в первые месяцы правления Л. И. Брежнева в качестве реакции на масштабную антицерковную кампанию начала 1960-х гг., развязанную по инициативе Н. С. Хрущева. Фактический отказ от построения в обозримом будущем коммунистического общества и центристская позиция «коллективного руководства» Советского Союза во главе с Брежневым сняли для большинства религиозных организаций, в первую очередь для Русской Православной церкви, остроту адаптации к советскому политическому режиму. В этом отношении конформистская позиция большинства религиозных организаций отвечала общему настрою советского общества. Американский историк Джеймс Миллар охарактеризовал сложившуюся систему взаимной коадаптации политического режима и населения брежневской эпохи как «Little Deal», «маленькую сделку», которая заключалась в том, что государство обеспечивало населению социальную безопасность и определенный уровень благосостояния, а также закрывало глаза на «теневую экономику» и низкую производительность труда. В свою очередь, население демонстрировало режиму свою лояльность, не подвергая открытому сомнению официальные правила и нормы, а также идеологические догмы².

Однако брежневский либеральный поворот в церковной политике был далеко не так успешен, как этого хотелось бы государству. Отнюдь не все религиозные организации предпочли вернуться на путь компромисса с властью, на острие противостояния между верующими и государством оказались религиозные общины российских протестантов. Хрущевская политика жесткого контроля и мелочного регламентирования, уголовных преследований и массовой ликвидации церковных организаций чрезвычайно усилила свойственную протестантизму традицию «обособленного христианства», заключающуюся в неприятии государства и стремлении изолироваться от общества как от источника обмирщения церкви и носителя социального зла. Все это в комплексе привело к возникновению в СССР движения религиозных диссидентов, охватившего в начале 1960-х – 1980-е гг. протестантскую часть религиозного спектра. Возглавил движение религиозных диссидентов в 1962 г. самопровозглашенный «Оргкомитет», который позднее стал называться Советом Церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ). Уже к концу 1965 г. его поддерживали около двенадцати тысяч верующих³. В советских документах и

² Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985), P. 697–698.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 146.

RGANIb F. 3, Op. 60, D. 15, L. 146

антирелигиозной литературе движение религиозных диссидентов именовалось «инициативным», а его участники фигурировали как «инициативники», «раскольники-сектанты» и «религиозные экстремисты».

В настоящей статье автор попытается найти ответы на следующие вопросы: как происходила либерализация церковной политики в начале правления Брежнева? Чем задавались рамки и границы этой либерализации? В чем заключалась специфика религиозного диссидентства в брежневскую эпоху? Помимо этого, изучение феномена религиозного диссидентства поможет расширить и дифференцировать сложившиеся в исторической науке и обществе представления о времени правления Брежнева как периоде «застоя» и «спячки». То, что феномен религиозного диссидентства имел место, было известно специалистам уже давно, но лишь в общих чертах. Так, Никола Верт в своё время отмечал, характеризуя формы общественного протеста в СССР в брежневскую эпоху: «Наиболее активные формы протеста были характерны главным образом для трех слоев общества: творческой интеллигенции, среды верующих и некоторых национальных меньшинств»⁴. Но если сегодня мы уже много знаем о диссидентстве интеллигенции и дискриминированных диаспор, то протестное движение верующих по-прежнему изучено недостаточно.

Главным документальным источником для написания статьи послужил комплекс докладных записок и меморандумов КГБ СССР, Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР за 1964–1966 гг., которые впервые вводятся здесь в научный оборот.

Стремление к нормализации церковно-государственных отношений, ставшее явным после прихода Л. И. Брежнева к власти в октябре 1964 г., во многом являлось восстановлением и продолжением сталинской идеологической политики «нового курса» периода Второй мировой войны. В историографии сталинский «церковный ренессанс» как правило объясняется стремлением использовать церковь во внутривластных и внешнеполитических акциях режима в условиях тяжелейшей войны, а также желанием лишить церковные организации ореола гонимых, теснее привязать их к советскому государству и тем самым ослабить их популярность среди верующих⁵. С такой интерпретацией трудно не согласиться. Однако возьмём на себя смелость утверждать – специфический консенсус между коммунистической властью и церковными организациями стал возможен главным образом лишь потому, что к началу войны, под давлением массовых репрессий, руководство большинства церквей доказало свою готовность платить за выживание и легальное существование церковных структур высокую цену сотрудничества с тайной полицией и другими властными органами. Конформистская позиция руково-

⁴ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 415.

Vert N., *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991*, М., 1992, S. 415.

⁵ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 576–578, 587.

Kurlyandskii I. A., *Stalin, vlast', religiya (religiozni i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)*, М., 2011, S. 576–578, 587.

дства конфессий порождала у власти чувство уверенности в том, что подконтрольные религиозные организации не представляют больше угрозы и не являются серьезными конкурентами на поле идеологического противостояния. В результате, начиная с середины 1940-х гг., проводником государственной политики стало служить непосредственно само руководство церковей. В ответ государство признало за религиозными организациями право на определенное место в обществе.

В этом контексте радикальная антицерковная кампания, развязанная Н. С. Хрущёвым в начале 1960-х гг., была контрпродуктивна, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников советского строя. Как писал в декабре 1964 г. председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный, «за сравнительно короткий срок (в течение одного – двух лет) в ряде областей было осуждено и выслано в места поселения по 5–10 человек, причем многие из репрессированных – это малограмотные люди, которые работали на производстве, имеют большие семьи [...] что вызвало отрицательные суждения верующих в отношении органов власти»⁶. Всего за 1961–1964 гг. было осуждено на различные сроки 806 верующих, ещё около 400 было выслано «за тунеядство»⁷.

Очевидно, осознание необходимости определенных изменений в сфере религиозной политики начало пробивать себе дорогу ещё до прихода Л. И. Брежнева к власти. Так, в июне 1964 г. было проведено специальное совещание республиканских, краевых и областных уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, где речь шла о ликвидации административных перегибов. Материалы совещания были разосланы во все руководящие органы власти на местах⁸. Спустя месяц, в августе 1964 г., «в целях недопущения возможных ошибок в будущем и выработки единого направления в работе по линии сектантов евангельских христиан-баптистов», руководство КГБ СССР созвало совещание сотрудников центрального аппарата КГБ и управлений КГБ ряда областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана и Киргизии, наиболее «пораженных сектантством»⁹. Кроме того, партийные и советские республиканские органы получили материалы Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, посвященные проблеме «перегибов», а Прокуратура и Верховный Суд СССР – подборку документов о «нарушениях социалистической законности» в отношении верующих, допущенных судебными органами.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 106.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 106.

⁷ Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб, 2009. С. 217.

Nikol'skaya T. K., *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh*, SPb, 2009, S. 217.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 102.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 102.

⁹ Там же. Л. 105–106.

Ibid, L. 105–106.

После прихода к власти Л. И. Брежнева эта тенденция только усилилась. Уже первые шаги в сфере церковно-государственных отношений, предпринятые брежневским руководством, были направлены на восстановление нарушенного консенсуса. Всем партийным и советским организациям, а также органам КГБ, суда и прокуратуры были направлены директивы о недопустимости административных методов в деле борьбы с религией и исправлении допущенных «перегибов». С конца 1964 г. Прокуратура СССР и Судебная коллегия Верховного Суда СССР приступили к широкой проверке судебной практики по делам осужденных из числа верующих с целью их последующего освобождения. Жалобы верующих в обязательном порядке обсуждались на заседаниях бюро обкомов КПСС. Свою долю вины в «перегибах» было также вынуждено признать руководство КГБ в лице В. Е. Семичастного, заявившего в декабре 1964 г., что «некоторые органы КГБ в работе по церковникам и сектантам, особенно по линии сектантов ЕХБ, выполняли несвойственные им функции по ограничению религиозной деятельности. В связи с этим контрразведывательные аппараты КГБ–УКГБ ещё раз предупреждены о четком выполнении приказов КГБ об организации работы по церковникам и сектантам»¹⁰.

Цель «брежневского поворота» была очевидной – минимизировать негативные последствия радикальной хрущевской политики и в первую очередь ликвидировать опасный раскол, возникший среди баптистов. Такое повышенное внимание этому расколу было уделено далеко не случайно. Если до Великой Отечественной войны тактическое кредо антирелигиозной советской политики традиционно гласило «разделяй и властвуй», то в ходе и после войны оно стало звучать как «объединяй и властвуй». Если в 1920-е – 1930-е гг. власть сама организовывала расколы внутри церкви всех деноминаций, активно поддерживала любые разногласия между верующими и делала все, чтобы воспрепятствовать объединению религиозных течений, то теперь все усилия соответствующих учреждений партийно-государственного аппарата были направлены на объединение верующих в рамках лояльных всесоюзных церковных организаций.

В рамках этой политики «объединяй и властвуй» любой раскол в церкви, в отличие от довоенного времени, не только не поощрялся, но пресекался и строго преследовался. В декабре 1964 г. руководство Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР симптоматично, хотя отчасти не совсем искренне, констатировало: «Вообще говоря, мы не против расколов в религиозных организациях. Это их внутреннее дело. Весь вопрос в том, каковы причины раскола и какие цели ставятся при этом. Баптисты-раскольники, как показывают факты, ставят такие цели, с которыми нельзя никак согласиться». Главными среди этих целей назывались «смещение руководящего состава Всесоюзного Совета ЕХБ ради воплощения в жизнь [...] особой программы [...] ведения ничем не ограниченной пропаганды религии, особенно среди детей, подростков и молодёжи [...] полного отделения церкви

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 105.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 105.

от государства»¹¹. Совету по делам религиозных культов вторил заместитель председателя КГБ СССР Н. С. Захаров, который указывал 17 апреля 1965 г., что главная цель «инициативников» заключается в том, чтобы «вывести церковь евангельских христиан-баптистов из-под контроля государственных органов»¹².

Тем не менее, несмотря на такие оценки радикальности настроя религиозных диссидентов, а может быть благодаря им, брежневское руководство не теряло надежды ликвидировать раскол и вернуть «раскольников» под контроль ВСЕХБ за счет устранения наиболее одиозных «перегибов» хрущевской антирелигиозной кампании, не прибегая к репрессиям. В конце 1964 г. Прокуратура СССР и Судебная коллегия Верховного Суда СССР все еще продолжали проверку судебной практики по делам осужденных сектантов. Результаты проверки жалоб верующих обсуждались на заседаниях бюро ряда обкомов КПСС, многие партийные органы приняли по этому вопросу специальные решения. В ноябре 1964 г. были также предприняты попытки вступить в диалог с руководством «Оргкомитета» и совместно выработать некий «модус вивенди». Так, состоялся расширенный пленум ВСЕХБ по вопросу «единства верующих», который принял специальное обращение к «Оргкомитету». В свою очередь Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР через своих уполномоченных дал ответ на все письма и жалобы «инициативников», поступившие в центральные органы власти. Лидеры «раскольников» Г. К. Крючков, Г. П. Винс и П. С. Зинченко неоднократно приглашались в Совет по делам религиозных культов, в том числе такая встреча состоялась 15 декабря 1964 г. в ответ на просьбу с их стороны, разрешить провести всесоюзный баптистский съезд. Здесь важен сам факт диалога между верующими и властью, несмотря на то, что в созыве съезда было отказано, а «вожаки» баптистов – предупреждены об ответственности за продолжение «незаконной деятельности “Оргкомитета”»¹³.

Однако либеральная церковно-государственная политика брежневского образца достаточно быстро продемонстрировала свои границы. В рамках брежневской «маленькой сделки» власть была готова идти на компромисс с протестантами, но только на своих условиях. Когда в ответ на смягчение антирелигиозной политики она вместо ликвидации раскола и восстановления единой подконтрольной баптистской церкви получила прямо противоположный эффект – углубление раскола и фактическое создание независимой церковной организации, деятельность которой ставила под сомнение саму теорию «естественного» отмирания религии в СССР, – власти не оставалось ничего другого, как прибегнуть к старой палочке-выручалочке – репрессиям.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 101.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 101.

¹² Там же. Л. 110.

Ibid, L. 110.

¹³ Там же. Л. 103.

Ibid, L. 103.

Роль представителя и поборника жесткой линии в отношении религиозных диссидентов традиционно исполнили органы государственной безопасности. Сославшись на записку Идеологического отдела ЦК КПСС «О локализации деятельности так называемого “Организационного комитета инициативников”» (июль 1964 г.), КГБ уже в ноябре-декабре 1964 г. начал активно действовать, чтобы «пресечь незаконную деятельность “Оргкомитета” баптистов-раскольников». В частности, руководство КГБ потребовало от подчиненных усилить агентурно-оперативную работу по разработке и выявлению «наиболее активных вдохновителей “инициативников”, подстрекающих их к массовым выступлениям», по розыску и «активному изучению» скрывавшихся руководителей «Оргкомитета» и «организации в отношении их работы» с целью скомпрометировать в глазах верующих и «вырвать рядовых сектантов» из-под их влияния. Чекисты также высказывали свои опасения в том, что базу «инициативного» движения образует «отсталая в идеологическом отношении молодежь», поэтому была поставлена задача «реализовать имеющиеся возможности органов КГБ для ограничения миссионерской деятельности “инициативников” среди молодёжи и оказания на неё выгодного влияния»¹⁴. В результате этого комплекса мер, по заверению руководства КГБ, «снизилась активность некоторых членов “Оргкомитета”» и часть общин вышла из-под его влияния.

Однако даже эти меры чекисты расценивали как половинчатые и неоднократно требовали от ЦК КПСС решить вопрос о привлечении к уголовной ответственности руководство «инициативников» в лице Г. К. Крючкова, Г. П. Винса и П. С. Зинченко «в случае их отказа прекратить подстрекательство верующих к совершению антигосударственных действий». Предварительно планировалось прибегнуть к так называемому «профилактированию» – то есть в ходе профилактических персональных бесед потребовать от лидеров верующих прекращения «нелегальной сектантской работы». В случае отказа В. Е. Семичастный рекомендовал секретарям ЦК КПСС в декабре 1964 г. привлечь руководителей верующих к уголовной ответственности, тем самым способствуя «разложению» групп «инициативников». В то же время Семичастный предлагал «по линии Совета по делам религиозных культов» активной использовать Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов и уполномоченных Совета по делам религиозных культов на местах, чтобы верующие со всеми своими вопросами и проблемами обращались только к Совету по делам религиозных культов¹⁵.

Однако руководство Идеологического отдела ЦК КПСС 10 февраля 1965 г. высказалось против. Заместитель заведующего отделом И. И. Удальцов и заведующий сектором отдела М. А. Морозов заявили, что считают преждевременным решать вопрос о привлечении баптистов к суду, «учитывая

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 107.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 107.

¹⁵ Там же. Л. 108.

Ibid, L. 108.

положительное влияние уже принятых мер»¹⁶. Здесь речь шла в первую очередь о постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 г. «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Как писал позднее, 13 ноября 1965 г., председатель Совета А. А. Пузин, «на основании этого постановления удалось многое сделать в ликвидации административных перегибов в отношении верующих и это выбивает почву из-под ног Оргкомитета. Рост числа баптистов-раскольников приостановился, некоторые верующие, ранее отколовшиеся от зарегистрированных баптистских общин, возвратились в эти общины»¹⁷.

В этой ситуации вопрос в пользу жесткой политической линии не был и не мог быть окончательно решен одним письмом. Чекисты продолжали лоббировать свою позицию в отношении «раскольников», активно снабжая секретарей ЦК КПСС сведениями об антисоветской деятельности верующих. В очередной записке КГБ СССР в ЦК КПСС от 17 апреля 1965 г. прозвучала косвенная критика мероприятий «по ликвидации нарушений советского законодательства по культам и пересмотру дел на репрессированных участников секты», которые якобы создавали базу для антисоветских действий «инициативников». Среди таких действий чекисты особо выделяли категорический отказ общин, поддержавших «инициативников», от государственной регистрации. Активизация верующих также выражалась в том, что религиозная деятельность все больше выходила за стены молитвенных домов, приобретая публичный характер. В Киргизии «инициативники» проводили свои собрания на улицах, в транспорте и прочих общественных местах, в Барнауле и Казахстане были зафиксированы «попытки отдельных религиозных фанатиков выступить с религиозными проповедями перед неверующими»¹⁸. Особое недовольство чекистов вызывали активные разъезды членов «Оргкомитета» по стране, где в ходе поездок они распространяли среди верующих послания «Оргкомитета», собирали совещания своих сторонников, «на которых обсуждались организационные и тактические вопросы», и т. п.¹⁹

В заключение своего письма заместитель председателя КГБ Н. С. Захаров указывал, с одной стороны, на то, что чекистами оперативно проводятся мероприятия по углублению раскола, наметившегося в последнее время в «инициативном движении» и компрометации перед верующими отдельных руководителей и членов «Оргкомитета», с другой стороны, настойчиво требовал ужесточения официальной политики по линии Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных на местах, которые должны были усилить контроль за соблюдением «сектантами ЕХБ» законов, регламентирующих ре-

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 99.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 99.

¹⁷ Там же. Л. 149.

Ibid, L. 149.

¹⁸ Там же. Л. 112.

Ibid, L. 112.

¹⁹ Там же. Л. 103.

Ibid, L. 103.

лигиозную деятельность и принятием «более решительных мер, чем общественное воздействие, к злостным нарушителям». Кроме того, он еще раз предлагал потребовать через органы прокуратуры от руководства «Оргкомитета» прекратить «организационную и подстрекательскую деятельность» и в случае отказа отправить членов «Оргкомитета» за решетку. Необходимость ужесточения политической линии мотивировалась также тем, что по данным чекистов, со своими требованиями по примеру «инициативников» намеревались также выступить адвентисты седьмого дня и пятидесятники²⁰.

Очередная записка руководства КГБ, посвящённая «инициативникам», поступила в ЦК КПСС 26 июня 1965 г. Руководство Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС спустя месяц так резюмировало ее содержание: «комитет госбезопасности [...] сообщает о переходе баптистов-“инициативников” к провокационным антисоветским действиям и [...] ставит вопрос о необходимости более действенных мер [...] со стороны Прокуратуры СССР и Совета по делам религиозных культов, а также активизации местными партийными органами воспитательной работы среди баптистов»²¹. Со своей стороны, В. Е. Семичастный заявлял даже о возможности массовых беспорядков, в которые якобы окажутся «втянуты и некоторые слои неверующего населения, что может быть использовано в антисоветских целях внутри страны и за границей»²². Главной среди своих задач КГБ считал на данный момент компрометацию руководства «инициативников» в глазах зарубежных баптистских общин, чтобы исключить возможность официального международного признания «Оргкомитета». Вместе с тем Семичастный вновь настаивал на том, чтобы привлечь к уголовной ответственности «главарей» баптистов во главе с Крючковым, Винсом и Зинченко, а также более дифференцированно подходить к пересмотру дел на сектантов, находившихся в заключении и воздержаться от освобождения активных сторонников «Оргкомитета», в частности А. Ф. Прокофьева, первого фактического руководителя «инициативного движения», осужденного в 1962 г. к пяти годам лишения свободы²³. Остальные рекомендации чекистов звучали традиционно – Совету по делам религиозных культов предлагалось более активно использовать зарегистрированные баптистские общины и ВСЕХБ для изоляции «раскольников» от основной массы верующих как «лиц, нарушающих баптистские законы», а партийные и советские органы на местах должны были усилить воспитательную работу.

Следующий шаг, нацеленный на изменение позиции руководства ЦК КПСС в сторону более жестких мер, был предпринят руководством КГБ уже при поддержке «тяжелой артиллерии» в лице первого секретаря Московского областного комитета КПСС В. И. Конотопа. Последний в своей записке в ЦК

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 114–115.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 114–115.

²¹ Там же. Л. 116.

Ibid, L. 116.

²² Там же. Л. 119.

Ibid, L. 119.

²³ Там же. Л. 120.

Ibid, L. 120.

КПСС от 20 сентября 1965 г. в красках описал «активизацию противозаконной работы инициативников среди верующих Московской области» и потребовал «рассмотреть вопрос об усилении контроля со стороны Совета по делам религиозных культов при СМ СССР и Прокуратуры СССР за соблюдением сектантами законов» и «принятия более решительных мер к членам “оргкомитета”»²⁴.

Основная идея записки В. Е. Семичастного, направленной в ЦК КПСС 21 сентября 1965 г., сводилась к тому, что политика «маленькой сделки» в отношении «инициативников» всё больше демонстрировала свои границы, а надежды власти добиться мирного компромисса на своих условиях становились всё более призрачными. В качестве примеров Семичастный привел данные о массовых публичных акциях верующих в Москве, Новосибирске, Киеве и Львове, участие в которых приняли сотни «сектантов». При этом «меры предупредительно-профилактического характера», а также «призывы и разъяснения местных советских и административных органов о необходимости соблюдения законности» имели, по заверению В. Е. Семичастного, лишь минимальный эффект²⁵. В заключение председатель КГБ впервые сформулировал положение о необходимости ужесточения уголовного и административного законодательства, в частности ревизии статьи 142 УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик, в которых речь шла об уголовной ответственности за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви. В своем нынешнем варианте, как заверял ЦК КПСС В. Е. Семичастный, статья почти не применялась на практике вследствие «ошибочных толкований, содержащихся в научных комментариях к уголовному кодексу и смысла разъяснений, данных в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР от 14 сентября 1965 г.»²⁶. Таким образом, записка В. Е. Семичастного была призвана внести коррекцию в линию поведения судебных органов и не допустить очередного шага на пути либерализации церковно-государственной политики.

В ноябре к группе сторонников жесткой линии присоединился первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест. 10 ноября 1965 г. он отправил письмо в ЦК КПСС, где в обоснование своей позиции сослался на результаты встречи, состоявшейся 22 сентября 1965 г. между Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном и группой «баптистов-раскольников». Как писал Шелест, «казалось, что после разъяснений, данных в Президиуме Верховного Совета СССР, “оргкомитет” “раскольников” пересмотрит свою точку зрения на советское законодательство, прекратит свою общественную деятельность. Однако этого не произошло»²⁷. Оставшаяся

²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 138–141.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 138–141.

²⁵ Там же Л. 131–137.

Ibid, L. 131–137.

²⁶ Там же. Л. 136.

Ibid, L. 136.

²⁷ Там же. Л. 142.

львиная часть записки Шелеста была посвящена описанию противоправной деятельности украинских общин «инициативников», якобы инспирированной либеральной позицией Москвы. Как и Конотоп с Семичастным, Шелест требовал дать указание Прокуратуре СССР о расследовании «фактов антиобщественной деятельности главарей “раскольников” для привлечения их к административной или уголовной ответственности». Особенно Шелеста возмущало то, что «правильные указания», данные Прокуратурой СССР о недопустимости нарушения законов в отношении верующих, распропагандированные в юридической литературе, в то же время «не акцентируют внимания на соблюдении законоположений со стороны самих верующих»²⁸.

Показательно, что к этой консолидированной позиции КГБ СССР, ЦК КП Украины и Московского обкома КПСС не присоединилось руководство Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР в лице с А. А. Пузина – наиболее заинтересованного игрока на поле церковно-государственных отношений. В записке «О мероприятиях по борьбе с нелегальной деятельностью сектантов», направленной в ЦК КПСС 13 ноября 1965 г., несмотря на столь воинственное воззвание, Пузин сформулировал ряд весьма либеральных идей. Часть вины за сложившуюся ситуацию он возложил на местные органы власти, отказывавшие верующим в регистрации их общин и подменявшие воспитательную работу администрированием. Особенно в отношении сектантов, писал Пузин, «применяются наиболее грубые приемы насилия: закрытие молитвенных домов при наличии большого количества верующих, разгон молитвенных собраний [...] силами милиции и дружинников, штрафы, осуждение как уголовных преступников за принадлежность к незарегистрированной сектантской общине, высылка верующих как тунеядцев»²⁹. Виновна была также советская печать, изображавшая всех сектантов «как врагов Советского государства, как моральных уродов, изуверов и тунеядцев. Многие даже мысли не допускают, – писал Пузин – что сектант может быть честным человеком». Другую часть вины Пузин возлагал на «сектантских вожаков и проповедников, которые со своей стороны делают все, чтобы поссорить верующих с атеистами и органами власти», которым выгодна конфронтация. Таким образом, Пузин пытался «вывести из-под удара» рядовых верующих, «честных советских людей», представив их как заложников противостояния «вожаков оргкомитета» и некомпетентных органов власти на местах.

Выход из сложившейся ситуации Пузин видел в максимальной легализации деятельности религиозных организаций. Для этого следовало полностью «изменить методы борьбы с сектантскими вероучениями», в первую очередь отказаться от любого администрирования и оскорбления чувств верующих, в частности «дать указания печати прекратить распространение все-

Ibid, L. 142.

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 144.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 144.

²⁹ Там же. Л. 146.

Ibid, L. 146.

возможных небылиц о сектантах, несправедливо позорящих верующих и их организации», не допускать дискриминации верующих при поступлении на работу и в ходе самой трудовой деятельности, прекратить топорную антирелигиозную работу в школе с детьми верующих, «изгнать всякую официальщину и принуждение, насмешки над религиозными чувствами детей», издать Библию и сборники молитв, открыть курсы пресвитеров и т. п. Главное же предложение Пузина заключалось в том, чтобы максимально упростить процедуру регистрации общин и зарегистрировать «все фактически действующие религиозные объединения» при условии соблюдения ими законов государства. При этом следовало отказаться от деления сект на запрещенные и незапрещенные и наказывать за противозаконные действия только конкретных виновников, а не общину или секту целиком³⁰.

После того, как высказались все политические тяжеловесы, слово было за главной инстанцией – ЦК КПСС. В последний день 1965 г. заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев и заместитель заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС Н.И. Савинкин направили секретарям ЦК КПСС проект постановления «Об упорядочении законодательства о религиозных культурах» и сопроводительную записку. В этой записке будущий «архитектор перестройки» и его коллега-генерал безоговорочно встали на сторону КГБ и настоятельно рекомендовали принять новые законы об усилении административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства о культурах. Ими же были подготовлены соответствующие проекты постановления и двух указов Президиума Верховного Совета РСФСР. Что же касается предложений Пузина, то реакция на них была более чем прохладной. В частности, Яковлев и Савинкин рекомендовали «предложить краевым, областным исполкомам Советов депутатов трудящихся совместно с уполномоченными Совета по делам религий при Совете Министров СССР положительно решить вопрос о регистрации объединений баптистов-раскольников и других религиозных течений, подлежащих регистрации в соответствии с действующим законодательством»³¹. Вырванная из комплекса мер, предложенных Пузиным, эта рекомендация едва ли могла стать эффективным инструментом разрешения конфликтной ситуации. Репрессивные методы выглядели для власти на этом фоне гораздо предпочтительней.

Постановление Президиума ЦК КПСС от 15 марта 1966 г. «Об упорядочивании законодательства о религиозных культурах» стало рубежным для брежневского поворота в церковно-государственной политике, установив четкие границы либерализации, дальше которых партия и государство заходить не намеривались³². В соответствии с постановлением, одобрялись проекты указов Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответ-

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 151–153.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 151–153.

³¹ Там же. Л. 129.

Ibid, L. 129.

³² Там же. Л. 127.

Ibid, L. 127.

ственности за нарушение законодательства о религиозных культах», «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР» и постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР». ЦК национальных коммунистических партий и Президиумам Верховных Советов союзных республик «рекомендовалось» внести соответствующие дополнения в административное и уголовное законодательство.

Удивительно, что такой компетентный исследователь истории русского протестантизма как Т. К. Никольская, разглядела в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах» от 18 марта 1966 г. «попытку разработать систему более мягких наказаний для религиозных активистов, совершающих незначительные нарушения законодательства о культах», учитывая «многочисленные случаи судебных злоупотреблений в отношении верующих»³³. На самом деле речь шла не о смягчении, а об ужесточении законодательства и религиозной политики в целом. В соответствии с этим указом, уклонение руководителей религиозных объединений от их регистрации в органах власти, нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других культовых церемоний, а также организация специальных детских и юношеских собраний, трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа теперь наказывалось штрафом в размере до 50 рублей³⁴. Что же касается Указа о применении статьи 142 УК РСФСР («Нарушения законов от отделения церкви от государства и школы от церкви»), то до этого она предусматривала наказание в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа в размере до 50 рублей³⁵. Теперь же в статью вводилось понятие рецидива: «те же деяния, совершённые лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний», каралась лишением свободы на срок до трех лет, что давало возможность на максимально длительный срок изолировать активистов «инициативного движения»³⁶.

Соответственно постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР» разъясняло, что теперь под нарушением закона об отделении церкви от государства и школы от церкви понимаются следующие действия: принудительное взимание сборов и

³³ Никольская Т. К. Указ. соч. С. 218–219.

Nikol'skaya T. K., *Op. cit.*, S. 218–219.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 123.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 123.

³⁵ Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР / под редакцией Б. С. Никифорова. М., 1964. С. 304.

Nauchno-prakticheskii kommentarii Ugolovnogo kodeksa RSFSR, pod redaktsiei B. S. Nikiforova, M., 1964, S. 304.

³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 124.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 124.

обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа, изготовление и массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению советского законодательства о культах, организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок (под этот пункт в том числе подпадало проведение религиозных акций «под открытым небом без разрешения органов власти»), организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии, совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения, отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, а также лишение граждан установленных законом льгот и преимуществ или иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии. Хотя последний пункт постановления был явно направлен против осужденного партией «администрирования», общая направленность документа не вызывает сомнений – несмотря на то, что формулировки носили общий характер и баптисты-«инициативники» ни разу не упоминались конкретно, – ужесточение законодательства без всякого сомнения было направлено на борьбу с религиозными диссидентами³⁷.

Показательно, что в УК РСФСР к этому времени имелась статья, которая широко использовалась в годы хрущевской антирелигиозной кампании для борьбы с «религиозниками» – статья 227, которая предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов». Но поскольку именно с её помощью осуществлялось хрущевское «администрирование» в борьбе с религией, то статья была признана не совсем адекватным инструментом в новых условиях, тем более что основной упор в 227 статье делался на причинении вреда здоровью граждан лицами и группами, для которых религия являлась «лишь прикрытием общественно опасной деятельности»³⁸.

Стремясь развить достигнутый успех, руководство КГБ действовало оперативно. Уже 16 марта 1966 г., на следующий день после принятия вышеупомянутого постановления Президиума ЦК КПСС, КГБ СССР вместе с Прокуратурой СССР и Министерством охраны общественного порядка внесли на рассмотрение в ЦК КПСС ряд предложений с просьбой об одобрении «в связи с националистической деятельностью крымских татар и проявляемой активностью немцев–“автономистов” и баптистов-инициативников». Документ был непосредственно направлен секретарю ЦК КПСС И. В. Капитонову. Кажущуюся правоту сторонников сворачивания либерализации антирелигиозной политики в глазах брежневского руководства наглядно подтвердили события, не имевшие еще аналогов в советской истории: 16–17 мая 1966 г. около 400 «инициативников», собравшихся в Москве, устроили демонстрацию у здания

³⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 125–126.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 125–126.

³⁸ Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. С. 472–473.

Nauchno-prakticheskii kommentarii Uголовnogo kodeksa RSFSR, S. 472–473.

ЦК КПСС, добиваясь приёма у Брежнева. В результате органами охраны общественного порядка было задержано 410 человек из 126 городов и населённых пунктов СССР. Власти приняли решение привлечь к уголовной ответственности по «свежеиспеченной» части 2 ст. 142 УК РСФСР около 30 человек «активистов» из числа задержанных. 71 демонстрант был осуждён за мелкое хулиганство, 58 человек оштрафованы в административном порядке³⁹. 21 мая 1966 г. генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, председатель КГБ В. Е. Семичастный и министр охраны общественного порядка РСФСР В. С. Тикунов заверили ЦК КПСС в том, что делается всё необходимое для «улучшения работы по линии сектантов и церковников», в том числе были приняты меры по «укреплению негласных позиций в этой среде»⁴⁰. А. А. Пузин, сделавший ставку на максимальную либерализацию церковно-государственной политики, был отправлен в 1966 г. на пенсию, должность председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР занял В. А. Куроедов.

Таким образом, наиболее либеральная фаза церковно-государственной политики брежневской эпохи оказалась краткосрочной и закончилась уже в весной-летом 1966 г. Тем не менее, помимо целей брежневского руководства, она способствовала формированию принципиально новой модели взаимоотношения религиозных организаций и власти. В отличие от практик адаптации к советской антирелигиозной политике, выработанных верующими в предыдущие годы, общины диссидентов теперь уже не стремились «выживать» любой ценой. Вектор «диаспоральной» (групповой) адаптации сменился с приспособления на активное отстаивание своих прав, публичность, массовость и наступательность действий. Уже в первой половине 1960-х годов во взаимоотношениях между государством и общинами «инициативников» выявились главные «точки напряжения», задававшие основные направления диссидентской деятельности верующих во второй половине 1960-х – 1980-е гг. Прежде всего это был отказ от государственной регистрации религиозных общин, которая, по убеждению «инициативников», существенно ограничивала их религиозные свободы. Ещё одним «камнем преткновения» являлось игнорирование верующими запрета на организованное религиозное образование и воспитание детей и юношества до достижения 18 лет. Постоянные конфликты также сопровождали массовые религиозные празднования и публичные собрания верующих, которые трактовались органами власти как нелегальные акции, подлежащие запрету и разгону. Особое недовольство у партийно-советских органов вызывало активное и регулярное участие верующих в «подписных» кампаниях в защиту «узников совести», а также их стремление донести свои требования и нужды до руководства СССР и мировой общественности. Эти новаторские практики позволили «инициативникам» осознать себя настоящим «братским» движением со своими вождями и героями, мучениками и отступниками, со своей историей и высокой миссией защиты религиозных свобод.

³⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 164–165.

RGANI, F. 3, Op. 60, D. 15, L. 125–126.

⁴⁰ Там же. Л. 163.

Ibid, L. 163.

В то же время необходимо чётко понимать, что определённый «откат» на жесткие позиции, последовавший в марте 1966 г., также имел свои границы, поскольку более интенсивная репрессивная политика в отношении церкви образца сталинского и даже хрущёвского времени плохо вписывалась в условия брежневской «маленькой сделки». В результате из арсенала репрессивных инструментов в распоряжении партийно-государственных органов и органов государственной безопасности фактически осталось всё то же самое пресловутое «администрирование», которое в условиях активного протестного движения верующих давало минимальный эффект. Всё это привело к тому, что «борьба с религией» всё больше и больше стала превращаться в брежневскую эпоху в бесперспективную бюрократическую рутину, сводившуюся к наблюдению и контролю за религиозными организациями в рамках формализованных процедур. Вплоть до распада СССР власти так и не удалось ликвидировать раскол в баптистской церкви и заставить религиозных диссидентов перейти на лояльные позиции.

Список литературы:

1. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. / пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
2. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково Поле, 2011. – 720 с.
3. *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 356 с.
4. *Millar James R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985).

MANY DOESN'T EVEN CONSIDER THE POSSIBILITY, THAT THE CULTIST COULD BE AN HONEST MAN" BREZHNEV'S TURN IN ANTI-RELIGIOUS POLICY AND RUSSIAN PROTESTANTISM (1964–1966)

A. I. Savin

The RAS, Siberian office, The Institute of history, *Novosibirsk, Russia*

This article focuses on liberalization of state policy considering religious organizations and on its scale and boundaries during first years of L. I. Brezhnev's rule. Special attention is paid to the phenomena of religious dissident's movement, which consisted of Russian protestants and was headed by Evangelical Christian-Baptist's Council of Churches. Conclusion was made on the basis of the reports of Committee for State Security of the Soviet Union, Department for Propaganda and Agitation of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, and Council for the Affairs of the Religious Cults, during 1964–1966, that in the mid-1960s a fundamentally new model of interaction between Soviet

State and religious organizations was forming. Protestants actively and publicly stood for their rights. However, rejection of mass repressions of the church during Brezhnev's era, led to the fact, that struggle against religion transformed into futile bureaucratic routine.

Keywords: *religious politics, Protestantism, liberalization, Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Committee for State Security of the Soviet Union, Brezhnev's era, religious dissidents.*

Об авторе:

САВИН Андрей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, Сибирское отделение, Российская Академия наук, (Россия, 639090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, 8), e-mail: a_savin_2004@mail.ru

About the author:

SAVIN Andrej Ivanovich – the Candidate of History, the Senior Researcher, the Institute of History, Siberian Department, the Russian Academy of Sciences, (Russia, 630090, Novosibirsk region, Novosibirsk, akademika Nikolaeva St., 8), e-mail: a_savin_2004@mail.ru

References

- Vert N., *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991*, per. s fr. M., Progress-Akademiya, 1992, 480 s.
- Kurlyandskii I. A., *Stalin, vlast', religiya (religioznyi i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)*, M., Kuchkovo Pole, 2011, 720 s.
- Nicol'skaya T. K., *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh*, SPb., Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009, 356 s.

Статья поступила в редакцию 19.08.2016 г.